

На календарных страницах сменялись знаки,
Белым по белому иней чертил цветы,
На белом снегу невидимые собаки
Оставляли белые невидимые следы.
Когда-то здесь были псарни Ивана Грозного!
А теперь не осталось и воя от них морозного,
Стоят домишки, хоровод ведут частоколы,
Под луной то рычит, то рывкает радиола.

Не приводили волхвов приплясывающие звёзды,
Не об одних младенцах радела земная власть,
Только морозным днем, рано ли, или поздно,
В маленьком доме девочка родилась
(За стеной ютились белогвардеец и бывший барин,
А под досками пола — крысы с большими зубами.
Которым на летних помойках бывало сытно и сладко.
Это место называлось «Собачья Площадка»).

Девочка как девочка, с обыкновенным взглядом
Немыслимо синих глаз — подумаешь, тоже цвет,
Целое небо синих оттенков рядом,
На оболочке глаза от неба след.
Девочка бегала, лепила снеговых человечков,
На гармошках лестниц что-то скрипела вечность
Для детей с разного цвета глазами,
Дети из снежных сугробов не вылезали.

Бывают длинней зимы короткие летние ночи.
Девочке было четырнадцать, когда на Арбатскую площадь
Стали слетаться странные стаи птиц —
Сложившие крылья, с повадкой самоубийц.
Девочку послали в Казань, чтобы её не достали
Авиабомбы с чёрного цвета глазами.
Собирали в дорогу, но не оставило ничего
От чемоданов дорожное воровство.

В минус сорок вспоминаются с нежностью
Теплые вещи; сквозь щелочки в стенах школы
Врывается ветер, как возглас пространства снежного,
Повторяя всхлипы брошенной радиолы —
Подоконник, где она стояла, разрушен
Вместе с домом, и вроде бы здесь не нужно
Электрической ноты электрическое нитьё,
По радио сводки с фронта,
Уроки воздушного налёта,
По радио имя города произносится, как твое.

После, в Москве, не отпускала память,
Проходила сквозь сны, как ледяной вагон,
Воровской, товарный, чуть наледь на нём расплавить —
Ржавой трухой на рельсах осядет он.
Для иных смыслов не подберёшь слова,
Девочка выросла, учится рисовать
Гипсовые и живые головы и цветы
(Что значит «умер»? Живой и смеёшься ты).

Но не бывать ей работником кисти и карандаша:
Школу окончив, она не уйдет из школы,
Мелом скрипя, парами чернил дыша —
Прежде сердце обжигают гортань глаголы.
Ученики — что для них сорок пять минут?
Руки у них зудят, черепные коробки жмут,
Ноги у них растут, чтобы пинать балду:
От каждого — по способностям, каждому — по труду.

Говорят, что рыжая англичанка Елизавета
Отличалась личным бесстрашием: королева
Не имеет права бояться (слыхал об этом
И мятежник справа от трона, и тот, что слева).
Девочка выросла, стала взрослый директор
В школе для взрослых, где большие ученики
Ломают ребра, только пробуя кулаки.
Разнимала драки, спасая грудные клетки.

Партия и правительство, не говоря уж о комсомоле,
Обеспечивали патриотическое воспитание:
"Слава КПСС" на каждом десятом здании,
Социализм строили-строили и построили.
Построили запреты на даты и имена,
Построили чиновников, опять как у Щедрина,
Низшим чинам досталась работа мелкая:
Являться в школы с ревизиями и проверками.

В детской школе директором быть труднее:
Туда не боятся приходить методисты;
В школе спецклассы — значит, дело нечисто,
Значит, начальственное око над нею
Нависает пылающей красной звездой.
Это математический класс, а это простой.
Джемс разъясняет на пальцах чиновнику:
Здесь у нас рахитики и дистрофики, а тут уголовники.

Начальство говорит намеками, тянет резину.
Джемс в спортивной форме блюдет дисциплину.
При подозрении в чем-нибудь непатриотическом
Директора школы вызывают в райком.
Непатриотично помнить, о чём забыли,
Непатриотично иметь еврейские фамилии
Школьникам, набранным по конкурсу в новый класс:
Нина Евгеньевна, что это тут у вас?

Нина Евгеньевна никогда не спорит:
За столом начальство, а за окном осень,
Здесь разнородных сближение категорий:
Собака лает, а ветер носит,
Если кто-то сумеет построить хороший дом,
Хорошие люди начнут собираться в нём,
И собака порой вызывает жалость:
Райкомы разбежались, а школа осталась.

Старая гвардия уже отошла от дел,
Но, оставив школу, никто не ушел из школы:
Кто-то не смог, а кто-то не захотел.
Снова танцует небо на ветках голых,
На Собачьей Площадке, где собирались сугробы
Новый Арбат, на дорогах вечные пробки,
В длинных следах ночей, в топоте дней коротких
Мы не петляем: память дает свободу.

Хоть он и Новый, о многом помнит Арбат.
Здесь, где машин застопорилось движение,
Девяносто два коротких года назад
Родилась девочка, и празднует день рожденья,
То есть, празднуем мы, приходите поздравить нас:
Здесь родилась хозяйка нашего дома,
Здесь река времени выйдет на остров знакомый,
Белый под светом пронзительно синих глаз.